

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Николаевич Кузьмин

Тропическая территория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50061613

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-08049-2

Аннотация

Егерь Вачура каким-то волшебным образом из глухой Приморской тайги перемещается на жаркий пляж Сиамского залива, где его ждут опасные приключения. Защита интересов российского общества – одна из причин нахождения старого таежника в тропических джунглях! Его перемещение в пространстве – это обыденная операция спецслужб, о которой Вачура просто ничего не помнит! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Леший – не «Урка»!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Кузьмин

Тропическая территория

Глава 1. Леший – не «Урка»!

Мало кто из таежников знал о существовании этого пика, а уж тем более подходил... , а уж тем более взбирался на него! Он был расположен по ту, заповедную сторону Темной.

Не был на самом пике и Леший, а лишь дважды подходил к синеватой скале и гладил эту гладкую поверхность рукой. Гладил... , смотрел, хитро прищурив глаза, в синее-синее небо и улыбался, приоткрыв свой короткий рот в блаженной улыбке, а затем спохватывался, резко оборачивался по сторонам в поисках теоретически возможного появления случайных любопытных глаз и, напустив на лицо свою обычную строгую маску не читаемости, удалялся, не оглядываясь, от синей скалы, хмуро и коротко, поглядывая в зависшее над горой небо. Никто его не видел таким, кроме диких зверей. Но те – не продадут его людям! Звери не умеют говорить! И никто никогда не узнает, что Геннадий Вачура простой и добродушный человек. Это очень опасно (!)– усвоил Леший еще из детства, быть или, того хуже, выглядеть добрым. Добрый – это равносильно, что дурак, равно-

сильно, что лох, олень, быдло... , которого необходимо разводить, использовать, гнобить. И, не дай черт(!), если добряк начнет сопротивляться проводимой над ним эксплуатации! Тогда его необходимо опустить уже именно до черта... И только так! А не оставлять лохом, что все-таки на уровень выше в российском неофициальном... , не официально же поддерживаемом государством законе о кастах. Не писаном на бумаге законе, по-другому именуемом понятиями, в середине семидесятых перетекшими из сталинских лагерей в города и деревни, незаметно и оперативно внедрившимися в потаенные уголки душ советских, уже сформированной к этому времени новой породы людей, или, что будет точнее, спеленав своей лагерной аурой чистые сердца фрезеровщиков, комбайнеров, инженеров и, что самое опасное, некоторых членов коммунистической, неуклонно погибающей на почве самоуверенности, партии. Лагерная паутина незаметно оплела страну, еще имеющую в своем составе достаточное количество людей со светлыми душами. Но они все оказались в лагерной ловушке, чувствуя себя, как, ни странно, достаточно комфортно в душном плену криминала. И им, как светлым личностям, приходил конец. Хотя они еще весело рассуждали о свободе слова, совести, географии передвижения. Скоро им станет не до этого – у них отнимут все!

Вачура чувствовал приближение этой вакханалии и поэтому опасался выглядеть добрым. Добрый – это приговор!

Леший всегда помнил об этом, и дальнейшая его жизнь все больше и больше подтверждала помогавшую выжить аксиому.

Сталин перед Великой Отечественной войной создал вот такое вот социальное устройство, имеющее в своем составе множество пока еще контролируемых бандитских группировок, с одной единственной целью – выиграть предстоящую войну! А чтобы победить в, несомненно(!), предстоящей войне, в дополнение к комбинации самых разносторонних мер, он создал так же и эту лагерную, воровскую систему, в комбинации с другими мерами способствующей недопущению появления пятой колонны, совсем недавно побежденной в гражданской, кровопролитной войне. Все понимали, что при определенных обстоятельствах, после начала неизбежной войны, к немцам еще бы присоединились и недобитые белые, или того хуже, зародившаяся рабоче-крестьянская интеллигенция – наиболее демократичная и недосяжимо высокоморальная для интеллектуальных элит буржуазных стран, враждебно настроенных по отношению к Советскому государству- к только что вылупившемуся из яйца всеобщего угнетения человека человеком птенцу коммунизма – общественного устройства, болезненно родившегося на краю непознанной вселенной – на планете Земля. Этот зародыш требовал самой бдительной и самой заботливой охраны. Его нельзя было потерять! Он мог бессознательно, на

почве борьбы за свободу и справедливость, быть уничтоженным недавно уничтоженными, но потенциально могущими воскреснуть, то тут, то там, эксплуататорами. . . . И им могла, опять же, потенциально, подействовать в этом новая интеллигенция – объединенная общим болезненным стремлением к справедливости группа энергичных граждан! Эти, новые, были тогда готовы за идею на все – хоть дот прикрыть, хоть дот построить! И на танк с лопатой. . . и утопиться, крепко обнявшись с противоречащим идеям вселенского добра и созидания, узурпатором, которым, по всем откровенно выпеченным признакам вот-вот должен был стать собственный идейный вождь. Но идейному вождю, на тот момент, было не до идеологических словоблудий – ему бы выиграть предстоящую битву с тем, которого в дальнейшем часть религиозных мыслителей назовет земным, и как, они же заявляют, последним воплощением Сатаны, «погоняемого», выражаясь языком понятий, в некоторых кругах Люцифером. Так вот, эта интеллигенция готова была сразиться хоть с кем. . . , упасть ради светлого будущего хоть в огонь, хоть в воду, взлететь, ради него же, в открытый, русским сумасшедшим – великим Циолковским, космос и. . . , так же была готова, загнуться раком на полях, извлекая из пахнущей червями земли корнеплоды нового, выведенного свободомыслящим Мичуриным, сорта брюквы. . . . Но у нее, у новой интеллигенции, что сразу бросилось в глаза добившемуся проницательности в тягостных лишениях детства и царской тюрьмы вождю, бы-

ла одна, и абсолютно уязвимая ахиллесова пята – они панически боялись шпану и воров! И те, создатели-герои того времени, способные сразиться хоть с драконом, хоть с говеющим на людском страдании буржуем, испытывали ужас и сотрясающую слабость при одном виде «бандюгана» или жулика. Именно, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств, а то есть политического столкновения, с этой самой интеллигенцией, Сталин и вырастил во всех точках бурно развивающейся империи ИХ, живущих по понятиям. Создал и на почве прочного внедрения в собственное сознание после победной эйфории напрочь забыл об этом!

В дальнейшем именно этот воровской лагерный строй и сожрал передовую в плане человеческих, высоконравственных отношений страну. Верней, он был паровозом, приволокшим локомотив из советских, усиленных демократическими преобразованиями проблем сюда – туда, где мы есть и.... может , чтобы хотелось..., и не будем!

Воровская, созданная под бдительным руководством «вождя народов», ненасытная гидра, своими скользкими, противно пахнувшими щупальцами, проникла во все окна заводов, свиноферм и, что было слишком опасно, военных и полицейских казарм. Гидра уже была всюду, но существовала скрыто, опасаясь тут же быть уничтоженной в случае обнаружения. Но, к ее счастью, из разрубленного Горбаче-

вым тела страны, из всех ее, еще к тому времени не загноившихся ран, послышался завывающий смертельным инфразвуком бермудов клич насквозь «прочиверенных» бродяг, а порой и высоко октавный, наглеющий от безнаказанности голос многопартийной, свободолюбивой интеллигенции....

И теперь воровской гидре уже нечего было бояться – она, поднявшись во весь рост, стремительно покатила по стране, пожирая все на своем пути, и, в первую очередь, наиболее легкодоступную и легкоусвояемую и, правдиво говоря, ничего не смыслящую в бытие, свято верующую в созидательную силу иностранных спецслужб и мемуары Солженицина интеллигенцию. Интеллигенцию, помогающую донести до крестьянских сердец «тайну вселенского противостояния Марса и Сатурна». Интеллигенцию, требующую нынешнего наказания для бывших партийных работников за когда-то высокомерное отношение к православной церкви.... Интеллигенцию, защищающую от «узурпаторов» геев, пытающихся выйти с рекламной акцией на площадь перед храмом Христа Спасителя. Интеллигенцию, беззаветно-самоотверженно влюбленную в саму себя!

Вачура работал с ранних лет, добывая хлеб насущный трудом своим и, поэтому умел видеть суть вопроса, суть происходящего, искренне, но тайно, ненавидя криминальных авторитетов, впрочем, как и перенимающих их привычки ментов. И так же тайно. Он пока еще улыбался и тем и дру-

гим. . . , улыбался, чтобы выжить и верил, что наступит время, когда он сможет, не опасаясь за свою жизнь, в открытую быть – добрым и честным!

Паджеро, сыто урча, преодолел скальный участок дороги и вот-вот должен был оказаться по ту, или точнее по эту сторону Темной. Димка с красными от утомления и пережитого глазами резко дергал машину на ухабах.

– Плавней, плавней!– консультировал его дядька.

– Вот это съездили за корнем, писец!– продолжая рывками давить на газ, ответил племянник.

Вачура на прощанье взглянул на появившийся меж хребтов каменный пик и коротко вскрикнул,– Стой!!!

Вышел из джипа и внимательно пригляделся – на синюю скалу взбирались двое, с такого расстояния видневшиеся двумя шевелившимися черточками.

– Ну и бог с ними!– буркнул он и выгнал из-за руля Димку,– С тобой и к утру не доедешь!

Поехали дальше. Но что-то останавливало Вачуру. Какая-то внутренняя сила заставляла вернуться. «Ищите Пути

к Роше!»— вспомнил Геннадий сказочное видение в пещере,— Стой!— повернулся он к сидящему на пассажирском сиденье Димке.

— Да не я ж за рулем?!— изумился тот.

— Стой, стой,— куда-то вовнутрь себя прошептал Леший и чуть съехал с дороги в кусты волчьей, ярко-красной ягоды, вскользь подумав о том, что время, когда можно будет в открытую быть добрым и честным уже не придет. По крайней мере, он, в своей земной, планируемой даже по мелочам жизни, такого благоденствия не застанет! Хотя, какое это может иметь значение?! Он давно уже свыкся с тем, что есть! Это в результате привело его к тому, что общество людей, среди которых он решал свои различные бытовые и философские проблемы — от покупки российского, ядовито пахнущего стирального порошка, до споров с бывшим заведующим поселковой поликлиникой об устройстве нашей загадочной вселенной... Так вот! Это общество уверенно и навсегда решило, что Вачура — это не добрый молодец, а это изворотливый индивидуум, способный, не содрогнувшись, убить ближнего ради достижения своей, поставленной когда-то в танкистской юности цели. Короче говоря, Вачуру окружающие уже давно принимали за криминального, а других и не было, авторитета.

«Просто умный и изворотливый шибко, вот и не сидел!»

Вачура и не сопротивлялся такому представлению о себе, потому что в новом сообществе большинство соотечественников считалось лишь с представителями цивилизации, владеющими бандитскими навыками. Пусть это будут хоть недавно освободившиеся сидельцы, хоть высокоранговые менты. Лишь бы стержень внутренний у них был бандитский – беспощадный! А выпячивать напоказ свое бандитское нутро все-таки считалось «стремным». Поэтому мент-бандит занимал наиболее высокую ступень в сложившейся общественной Иерархии..., более высокую, чем отъявленный, награжденный туберкулезом за упорство сиделец. Уважали такого, конечно, сильнее, но считались, однозначно, больше, с не нюхавшим сырого карцера ментом, представлявшим гораздо более серьезную опасность. Если простой бандюган мог покалечить, а затем поставить на счетчик, то мент сначала калечил, затем ставил на три счетчика и при получении суммы, эквивалентной двум счетчикам, садил в тюрьму, и, уже там, подразумевая – «ну не зверь же я!» – в знак признательности за спонсорскую помощь пытался представить подопечного к уважаемой в криминальных кругах того времени награде – бактериальному заболеванию – туберкулезу.

Такие взаимоотношения сложились на тот момент в небольших городках и особенно в деревнях.

Порядочные люди Светлогорска все-таки знали, что Ва-

чура нормальный, русский таежник, но большинство населения – это не совсем нормальные, это люди с отравленной природными и промышленными химикатами психикой... люди, в целях самосохранения вынужденные быстро повзростеть в густом тумане активно выдыхаемых родителями алкогольных паров, время от времени рассеиваемых частыми молниеподобными разрядами в виде крика «бля буду, сука! Век воли не видать!», автоматически подкрепляемого смачным подзатыльником, напутственно озвучиваемым самым философским среди редких, по-родительски коротких, и по-шахтерски суровых, воспитательных тезисов – «пидором не вырасти, пидорас!»

На синюю скалу взбирались двое. Вачура напряг подношенные за последние два дня глаза, и впервые пожалел, что не имел бинокля, издавна считая это техническое приспособление лишней чепухой.

– Иди, глянь!– кивнул он Димке,– Кто это может быть?!

– Кто, кто?!– выпустила изо рта недовольная Димкина гримаса,– Отшельник твой это, и этот..., как там?! Тоже твой...

Вачура изучающе посмотрел на пацана: «На таком расстоянии невозможно узнать людей! Он спросил так – для разговора»

– И этот, Виталя-мент....

– Совета?!– и Вачура сам... еще раз напряг зрение,– Точно, он!

– А я тебе и говорю – Виталя Советский!– Димка почесал нос,– Поехали, Генн, домой?!

Гене стало жалко пацана. Он сам, старый таежник, натерпелся страха и ясно осознавал, что чудом остался жив..., и какого хрена он всматривался в пик горы(?!), какого хрена он все больше и больше утверждался, что останется(!?) Леший с грустью взглянул на пацана, тяжело и шумно вздохнул, смутившись, отвел взгляд в сторону. Еще раз вздохнул, задрал голову вверх – по синему-синему небу двигалась крохотная блестящая точка, испуская позади себя неуклонно расширяющуюся полосу плотного белого-белого пара. Точка двигалась медленно и давно. У черты горизонта плотная струя пара уже смотрелась естественным, удлиненным облаком. Настолько естественным, что, если его обрезать чуть дальше по направлению к порождающей его точке, и мысленно закрасить эту сверкающую алюминием точку..., закрасить одним махом... вместе с подступающим к горизонту отрезком испражненной из этой самой точки струи..., закрасить синим-синим цветом.... И тогда Геннадий Вачура,

случайно задрал голову вверх, увидел бы на синем-синем сентябрьском небе не летящий, еще созданный в середине семидесятых ТУ-160, а обыкновенное удлиненное облако, нелепо высунувшееся из-за горизонта. Увидел бы его..., и, если бы не знал, что кто-то закрасил начало, так бы и подумал, что это выплывающее из-за Цинковского хребта обыкновенное сентябрьское облако, а не струя от летящего в стратосфере самолета. Уже более двадцати лет все граждане ГОСУДАРСТВА, якобы «воскресшего ЯСНЫМ ФЕНИКСОМ из когда-то УБИТОЙ ПРОЛЕТАРИЯМИ МОНАРХИИ», торговали купленным за ловко выщипанную из казны ГОРСТКУ нефтедолларов, разностороннего качества ширпотребом... и вот такие вот самолеты, пусть, да же, и СКАЗОЧНО выплывающие из прошлой, экономически губительной для России, а, поэтому, казалось бы, окончательно уничтоженной в современном людском сознании тоталитарной эпохи ..., вот такие вот самолеты – действующие – Вачура УЖЕ и представить теперь не мог! Максимум, где бы в последнее время он мечтал встретить такой вот самолет – это самолет – ресторан – «ТУ-160» со звучным названием «Трактиры Маньжурии»! Потому что, куда еще, это неспособное, созданное «никчемными коммунягами» (СМИ Новой России) изделие приспособить?!

«Вот это понты умели коммунисты сколотить!» – подумал вдруг Вачура, – «Что и тогда, благодаря этим понтам весь

мир нас (или делал вид, что боится?) боялся..., и в современной России еще те понты, еще того утопического строя действуют. Приходится(!) – других понтов, то, нет!»

А точка двигалась теперь в резонанс с глухо нарастающим шумом- шумом двигателей, созданных советскими, с горящими глазами, инженерами, купающимися во счастье такого вот созидания. Они ощущали себя богами, поэтому и были продуктивны мыслями. Инженер, вкальвающий у хозяина, богом себя ощутить не сможет. У богов нет хозяев! А те были богами!

И Вачура опять басовито вздохнул – гордость за страну какой-то свежестью в сердце вернулась! За страну семидесятых? Да, хотя бы за такую – давно уже прошлую..., все равно, такая гордость – это первый шаг в будущее – будущее России! Только не с Романовым или Сталиным, а с Брежневым – Леонидом Ильичем! С Леонидом Ильичем, который так и не успел совершить покупку в интернете. Такое стало возможно уже после – через десятилетия, прошедшие с того момента, когда массивный гроб с телом вождя, под мрачным осенним небом... у могильного дна, казалось бы, соскользнул с армейских канатов и рухнул в свежеврытую яму! Но это было не так! О чем Леший узнал через десятилетия.

А тогда Вачура, застыв гримасой, и впялившись в телевизор с торчащим изо рта куском сала, подумал о том, что знак этот – очень плохой! Какой-то обреченностью была прони-

зана каждая минута этих затянувшихся, пытающихся выглядеть помпезными, похорон.

«Дальше» – понял Леший: « Дорога в неизвестность, а точнее в никуда!» И, со свистом всосав в рот кусок сала, не жуя, проглотил его. Тогда он еще не знал, что похороны, без всякого преувеличения, действительно были, а не выглядели, помпезными. Хоронили все-таки уважаемого тяжеловеса мировой политики, руководителя сверхдержавы..., человека, которого многие известные дипломаты в разговорах величали не иначе как – «Леонид Добрый!»

– Езжай!– махнул Вачура на джип,– Будь на связи, я тебе позвоню..., когда приехать сюда,– Сверкнул взглядом в Димкина глаза,– На Паджеро никуда не гонять! Поставить в гараж и ждать. Самогонку не пить и крепко не спать!– он протянул племяннику ключи от гаража,– Понял?

– Да понял, понял!– усталым голосом промолвил пацан и тяжело вздохнул,– Дядька, Генн?! Может не надо?!

– Давай, езжай!– ответил Вачура и едва не пошутил: «Надо, Федя, надо!» Почему-то вдруг вспомнилась добрая шутка из далекого советского прошлого.... Прошлого, все более и более выбывающего из реалий бытия, постепенно уходящего в закоулки человеческой памяти, в отделы приснившегося или причудившегося. Воспоминания о советском про-

шлом все более принимали форму сна или галлюцинации.
Он светился, этот кристалл, излучая собой волшебное, всепроникающее, всепоглощающее сияние. Вачура загнипнотизировано смотрел в него, как когда-то в далеком детстве, в накормивший печеной картошкой костер, настороженно шипевший постепенно теряющими красный жар углями. Смотрел тогда и растворялся в будущем, смотрел и сейчас... и растворялся в настоящем!

Растворялся не только он – старый таежник Вачура, но и старый таежник Савельев, а также Виталя Советский – бывший советский мент.

«Не усните в благочестие, не прячьтесь в Нирване! Вы – земные создания!

Крапива созревает в июне, а я яблоки в сентябре. Не пропусти сбор. Пропустишь – жди следующего года!

Нет плодов – пропустил посадку!

Это для созидателей!

А для созерцателей – другое! Довольствуйся малым, коли хватает! Живи небом в благости – за тебя посадят, на сбор голод толкнет!

На земле есть место и тем и другим. Нет места разрушителям!!!

Их, давящих гусениц на тропе и ломающих попутно ветки, много! Злоба веселая – мощь вселенская!

Не путайте с давящими гадов на тропе восходящих!

Не дразните тигров – прячьтесь в укрытиях! Время работает на вас! Грядут времена – переждите! Копите здоровье. Много его будет – схватка не состоится! Тигры вскоре сами умрут! Уйдите с поля брани на пляж под солнце – тигры света боятся! Тигры питаются войной, вы – созиданием! Тигры питаются вами, вы – солнцем!

Не воюйте с ними, уйдите на пляж – пусть солнце их ослабит! Не бросайте своих в поле – вырвете их из пасти, уведите на пляж! Прошло время есть яблоки, они теперь созреют в следующем сентябре. Тигры их не едят, они питаются вами!

Копите силы – вас позовут в бой! Накопите много – боя не будет!» – плыла такая тягостно-величавая дребедень в голове у бывшего мента – Виталика Советского, который раскачивался и слабо сипел, – Ты слышишь что-нибудь, Генн? – спросил он Вачуру. Вачура, по-прежнему глядя в кристалл, ответил, – Боя не будет!

Всепоглощающее сияние мягко подняла их двоих на ноги и ушли они, уплыли, улетели вглубь пещеры, в темноту от синего сияния.

Савельев оторвал взгляд от кристалла, бодро встал и, помахав ушедшим вглубь, вышел на воздух. Подтянулся до хруста в конечностях всем своим телом. Окинул территорию с вершины скалистого пика и завопил на всю округу, – Эй!!! Эгэ-гэй!

– Эй!!! Эй!! Эй! – быстро утонуло в расщелинах эхо.

Стояла звездная ночь, накрывшая морозной тишиной Темную. Гора была покрыта толстым слоем чистого снега. А вокруг самого Саувельева, в радиусе десяти метров, снег а не было – он здесь сразу растаял.

Потрескивали в тишине задубевшими стволами деревья.

– Снежное царство, да и только! – равнодушно прошептал Отшельник. И среди этого белого царства блеснул своими синими скалами, полностью свободный от снега пик. И на его вершине стоял освещенный луной человек. Человек, набравшийся сил! Готовый дать бой!

Когда он оглянулся на вход в подземные своды, то не увидел его – на его месте лежала широкая каменная плита, с поросшим на гладкой поверхности мхом, который, без разрывов, толстым слоем разросся на такие же соседние плиты, пролежавшие здесь ни один век.

«Дорога на пляж закрыта»– подумал Савельев: «Теперь только в бой!»

Вачура и Советский куда-то неслись, погруженные в дурманящую эйфорию. Их лица обдувал влажный пещерный воздух. Это происходило в полной темноте. Лишь в глазах время от времени вспыхивали радужные круги и искры. Они понимали, что их несет по тоннелю пещеры неведомая сила, сопротивляться которой было бессмысленно, да и не хотелось! Они, погруженные во тьму, чувствовали друг друга, уверенные, что находятся рядом. Но вот Вачуру покинуло это ощущение единства с Советским, его закружило в пустоте, противно затошнило, страх потом проступил на лбу. Он летел по тоннелю пещеры ногами вверх, крепко сжав от ужаса веки. И вот неведомая сила выбросила его из-под земли и опустила на что-то мягкое и горячее. Он по-прежнему боялся открыть глаза. Тошнить перестало. Сквозь веки пробивал желтый свет. Становилось жарко, и Вачура решился – открыл глаза. Он сидел под кокосовой пальмой. Перед ним плескалось синее море, а под ним был желтый-желтый песок. Леший попал на пляж!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.